

FOLKLORYSTYKA I KULTUROZNAWSTWO

Adrian Kuprianowicz

DOI: 10.15290/bb.2018.10.30

Niezależny badacz

Bielsk Podlaski

<https://orcid.org/0000-0002-6530-8183>

Народная магия в повседневности сельских жителей (на примере нескольких сел Гайновского повета на фоне восточного славянства)

[...] заговаривание или заклинание, иногда и редко заговор – это слова, обозначающие некоторые магические действия, способные призывать конкретную силу для обезвреживания чего-либо или кого-либо. По своему смыслу близки действиям, определяемым как заклятие или заворожение, но такое подобие не означает идентичности¹.

Предметом настоящей статьи является попытка представления действий, связанных с магическими обрядами, суевериями и повериями, используемыми в повседневной жизни простым крестьянским населением в избранных селах Гайновского повета (польск. powiat hajnowski). В начале следует объяснить значение ключевого термина, который используется в настоящей публикации, а именно: *магия* (лат. *magia*, от др.-греч. μάγεία) – символические действия (обряды) или бездействие, направленные на достижение определённой цели сверхъестественным путём².

Магия в народной культуре была сама по себе искусством, но носила потребительский характер. Поэтому способы лечения или причинения вреда были особенно важными в этой сфере. Причины применения магии не всегда можно было объяснить рациональным способом с точки зрения современной науки.

¹ S. Czernik, *Trzy zorze dziewicze. Wśród zamawiań i zaklęć*, Łódź 1968, s. 50.

² Г. Е. Марков, *Религиозные верования. Предполагаемый генезис и история*, [в:] *Этно-Журнал 2003* (Ежемесячный электронный журнал), № 1, с. 67–83.

Настоящий этнографический материал был собран путем экспло-рации от представителей старейшего поколения, которые еще помнят обычаи, связанные с народной магией, в селах: Городиско, Яново, Клейники, Лосинка, Шостаково, Жуки (польск. Gorodzisko, Janowo, Klejniki, Łosinka, Szostakowo, Żuki).

Обычно народной магией занимались ворожеи, шарлатаны, шептунки и шептуны, ведьмы и ведьмаки. Эти люди не скрывали свои способности, утверждая, что лечат по Божьей воле, только по-своему. На упомянутой территории уже давным-давно исповедуемая религия уживается с народными обычаями, выходящимися, вероятнее всего, из шаманизма. Христианство называет эти ритуалы магией. Люди знают, что те, кто практикует данное искусство, лечат и тело, и душу.

В селах Городиско и Лосинка, чтобы вылечить больного ребенка, мочащегося по ночам в постель, или излечить от алкоголизма, нужно было обратиться к одной из местных шептунок. Молитв шептунок нет в катехизисе. Часто это неясные, составленные самими шептунками формы заклинаний и заговоров. При посещении шептунки следовало взять с собой описенную ребенком пеленку или рубаху пьяницы. Шептунка забирала принесенные вещи и заранее приготовленный деревянный крест и отправлялась в укромное место, за пределами деревни. Она обматывала основание креста детской пеленкой, затем – рубахой пьяницы и бабника. Потом обматывала крест рубахой больного ревматизмом. Очередным шагом было обматывание креста платком женщины, у которой болела голова. Таким образом приготовленный реквизит закапывала в землю, нашептывая слова: *пусть придут сюда пьяницы, глупцы, дети, которые мочатся, плакальщицы и заблудившиеся. Пусть придут сюда и найдут утешение. Пусть те, кто мочится, пьют и болеет, придут сюда и отдохнут.* Люди часто верили в лечебные свойства места, в котором был закопан этот крест, приходили к нему со своими проблемами и молитвами³. В этом же селе, чтобы снять с кого-либо порчу (сглаз), нужно было незамедлительно обратиться к местному знахарю и попросить совершить тайный магический обряд. А именно:

знахарь брал 40 зерен бобов или фасоли, в течение нескольких дней держал их днем на солнце, а ночью в лунном свете, в сосуде с “безмолвной водой” (водой, набранной из колодца, реки или любого другого источника,

³ По рассказу Нины Минько, жительницы села Городиско.

не забывая о том, чтобы сделать это в полном безмолвии), после чего вынимал их и из 37 зерен делал бусы для порченого. Три оставшихся зерна пек на огне и давал съесть больному. Через несколько дней бусы нужно было разорвать, дожидаться полнолуния и в полночь разбросать зерна на перепутье⁴.

В селе Шостаково, чтобы излечить от алкоголизма, людям, имеющим проблемы с алкоголем, нужно было дать выпить воду, которой обмывали тело умершего, веря в то, что они покончат с этим пагубным пристрастием. Человек, который неосознанно выпил воду, оставшуюся после ритуала обмывания покойника, в смеси с алкоголем, должен был окончательно избавиться от алкогольной зависимости⁵. Также бытовала примета, что такая вода может стать причиной взаимной вражды между людьми. Неоднократно, желая, чтобы начались ссоры и раздоры в семье, напр., среди соседей, разливали вокруг их домов воду, которой обмывали тело покойника. Это делалось обычно ночью или вечером, после заката. Верили, что разлитая вокруг соседского дома вода внесет в их семью разлад, споры и ссоры. Считалось, что вода, которой обмывали тело покойника, является нечистой и обладает разрушающей, проклятой силой⁶. В селе Шостаково, если узнавалось, кто навел порчу, в него следовало бросить семь стебельков травы полыни, сплевывая при этом три раза через свое левое плечо. При этом порча должна была перейти с порченого на виновника порчи. Если оказывалось, что обряд не дал ожидаемого результата, нужно было прочитать следующую формулу, диалектно [далее: диал.]: *Urok, urok, jak ty pryšoŭ z lijesa, to idi ŭ liyes! Jak z viyetra, to idi do viyetra! Jak od baby, to idi do baby! Idi ŭ liyes na suchoje koryeńńe, nexaj tebe ne bačyt żadne sotvoryeńńe*. Прочитав эту формулу, шептуха, снимающая порчу, три раза кропила

⁴ Там же, как утверждает информаторка, этот ритуал скорее всего был привезен в село Городиско кем-то из жителей, вернувшихся на родную землю из Сибири. Снятие описываемой порчи было одним из элементов сибирского шаманизма, цит. за Нинной Минько.

⁵ По рассказу Валентины и Григория Плисов, жителей села Шостаково.

⁶ См.: А. Курпянович, *Obrzędy pogrzebowe w gwarach gminy Czyże, powiatu hajnowskiego na tle wschodniosłowiańskim*, [w:] *Polsko-białoruskie związki językowe, literackie, historyczne i kulturowe*. Materiały XIX Międzynarodowej Konferencji Naukowej "Droga ku wzajemności", Białystok 2014, s. 399–400. Более подробно на тему поверий и магии, связанной с водой, см.: А. Курпянович, *Ветер и вода в поверьях, суевериях и обычаях, как элемент семейных обрядов на примере нескольких сел Гайновского и Сокольского поватов*, "Białorutenistyka Białostocka", Białystok 2017, t. 9, s. 337–349.

больного водой из сосуда, над которым ранее ворожила. Оставшуюся воду выливала между порогом и дверью. Такое действие следовало повторять в последующие три дня⁷.

В селе Жуки часто практиковался магический ритуал наведения порчи ворожеей, чтобы поссорить людей между собой. Часто поводом для таких действий было отсутствие согласия семьи на женитьбу сына или дочери. Для этого нужно было попросить ворожею совершить специальный тайный заговор. С этой целью ворожея должна была принести с кладбища три горсти земли с трех разных могил, завернутые в кусок белого сукна, завязанные длинными прядями волос старой женщины. Над приготовленными таким образом свертками следовало произнести следующий заговор: *Уйди прочь с ветром от моего сына/дочери на все четыре стороны*⁸. Произнеся заговор, нужно было два свертка отнести и положить на пороге дома того, для кого этот ритуал осуществлялся. А третий сверток бросить в глубокий колодец. Это всегда нужно было делать ночью, при беззвездном небе. В противном случае заклинание могло не подействовать.

Интересно, что народные поверья и магические обряды на тему появления *колтуна*⁹ (в медицинском значении) можно еще встретить в селе Клейники и многих прилегающих к нему поселениях. Часто запрещалось, особенно беременным женщинам, выходить из избы, если дул сильный ветер. Жители верили, что крутящийся в вихре дьявол может проникнуть в веретено и привести к нежелательным последствиям, одним из которых могло быть появление на голове *колтуна*. При появлении *колтуна* нужно было незамедлительно обратиться за помощью к шептухе. При помощи громничной свечи шептуха поджигала краешек спутанных волос и посыпала их пеплом из домашнего очага, выговаривая при этом тайное заклятие: *...иди прочь проклятый колтун...* Этот ритуал придавал силы и ореол таинственности.

⁷ Анастасия Филипюк, бывшая жительница села Шостаково.

⁸ Мария Голуб, Зоя Шевак – село Жуки.

⁹ *Колтун* – спутанные плотным комом волосы на голове в результате воспаления сальных желез, нарушения условий гигиены, нерасчесывания, вшивости и т. д. Старые медицинские суеверья запрещали срезать колтуны из опасения их негативного воздействия на здоровье (психические заболевания, слепота). Ношение колтуна должно было защитить от болезней и дьявола. Название происходит от русского *kieltania*. В XVIII и XIX веках колтун считался болезнью, которая, возможно, появилась на польских землях из России или с Востока. В прусских описаниях с XVIII века употребляется название *Weichselzopf*, то есть “*коса из-за Вислы*”, см.: D. Łukasiewicz, *Warkocz nad Wisłą. Pruski stereotyp brudnej Polski czy prawda historyczna?*, “Medycyna Nowożytna. Studia nad Historią Medycyny”, Warszawa 1996, t. 2, № 2, s. 84–86.

Чаще всего шептухи или шептуны специализируются на лечении какой-либо одной определенной болезни. В почти всех описываемых селах существенную роль в лечении бородавок играли местные знахари. Шептуха вырывала из головы волос и затягивала петлю вокруг бородавки, после чего волос нужно было забрать с собой и закопать обязательно в месте, где имеется проточная вода (река или ров). После того, как волос был закопан, категорически запрещалось оглядываться назад до момента, пока не переходилось через первое пересечение дорог.

В селе Городиско существовали некоторые запреты и повеления, связанные с человеческими болезнями, в которые люди сильно верили и практиковали под надзором знахарей. В случае непрерывных болей живота у ребенка местная знахарка приказывала положить на порог дома¹⁰ старый хомут, через который следовало три раза перенести больного ребенка. По понятиям местного населения, обычно болезнь является следствием воздействия нечистой силы: злых волшебников, ведьм или людей, наделенных “дурным” взглядом. Считалось, что болезнь может быть напущена другим, злым человеком. Также люди верили, что болезни могут переноситься по воздуху, напущенные кем-то под видом порчи, после чего они опускались на данного человека, распространяясь дальше¹¹.

В соответствии с повериями шептуха еще при жизни должна была передать свои навыки самому младшему из детей в семье. Иначе ее ожидала кончина в тяжких мучениях. Когда ребенок подрастал, он начинал участвовать в тайных ритуалах, чтобы научиться лечить болезни.

Как показывает этнографический материал, в селе Яново распространенным способом лечения головной боли было ее истребление при помощи двух магических обрядов. Во время лечения знахарь символически поливал голову больного разогретым воском, сплевывая при этом три раза через свое левое плечо. Еще одним способом избавления от болезни было накрытие головы больного белым сукном. На это сукно он

¹⁰ Порог дома считался границей, которая отделяла дом от внешнего мира. Имел символическое значение. В связи с этим часто использовался как элемент различных магических ритуалов и обрядов, см.: J. S. Bystroń, *Tematy, które mi odradzano*, Warszawa 1980, s. 224–225.

¹¹ См.: В. В. Усачёва, *Контакты человека с демонами болезней. Способы защиты и избавления от них*, [в:] *Миф в культуре. Человек-не-человек*, ред. Л. А. Софронова, Москва 2000, с. 65.

клял льняные волосы и затем поджигал при помощи громничной свечи, выговаривая при этом формулу заговора: *...пусть страх, злой рок, нервы, больная кровь, простуды, которые преследуют слугу Божьего (имя больного) уйдут с огнем, льном и свечой...* Если из подоженного льна появлялся дым, то это значило, что болезнь отступит.

В случае, когда маленький ребенок болел грыжей, шептуха выстругивала из старого полена несколько маленьких деревянных колышков и прикасалась ими к больному месту. Затем следовало перенести ребенка через каждый порог в доме. После этого выструганные колышки нужно было вбить в три щели в полу в каждом помещении избы¹².

По собранной информации, чтобы вылечить больного от лихорадки, его голову следовало покрыть черным платком. Больной в это время должен был держать в руках старый ключ от двери в дом. Над его головой читался специальный заговор. Затем следовало выполнить указания шептуна, то есть: *...в первое воскресенье иди в церковь и зажги три свечи. Это же самое сделай во второе и в третье воскресенье...*¹³. Причин заболевания лихорадкой могло быть несколько: порча, встреча с демоном, работа во время праздников¹⁴.

Со многими подобными, неоднократно практикуемыми “причудами” жители описываемых местностей сталкивались, живя в Царской России во время так называемого *беженства*. Некоторые магические практики и обычаи были привезены и вошли в жизнь простых людей после их возвращения на родину. В мире, в котором преобладала вера в чудесное исцеление ворожеями, знахарями и шептунами, черная магия играла значительно более важную роль, чем исповедуемая религия или сила молитвы. Опыт проживания в России оттиснул свой след на крестьянском населении в виде принятия атеистического мировоззрения, полностью отрицающего веру в существование Бога.

После возвращения из *беженства* люди в некоторых селах начали чрезмерно чтить культ *домового*¹⁵. В воображении многих людей

¹² По рассказу Валентины и Григория Плисов, жителей села Шостаково.

¹³ По свидетельству Василия Тополевского, жителя села Клейники (1930 г. р.).

¹⁴ Более подробно на эту тему, см.: J. Talko-Hryncewicz, *Zarysy lecznictwa ludowego na Rusi Południowej*, Kraków 1893, s. 224.

¹⁵ *Домовой* – домашний дух, мифологич. хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие. Домовой существует в каждом доме и связан с определенным родом, предком которого он мыслится. В поверьях о домовом выделяется его связь со скотом; он обеспечивает его благополучие и плодovitость, но, вместе с тем, может изводить и мучить ско-

домовой считался членом семьи. Обычно он жил на крыше дома, под порогом или за печкой. При смене места проживания всегда просили *домового*, чтобы он вместе с хозяевами переехал в новый дом. Неоднократно *домового* приглашали также в новопостроенный дом.

В селе Клейники крестьяне “вносили” *домового духа* в избу уже при начале строительства вместе с устанавливаемым в срубе деревцем. В том же селе, после того как на фундамент дома было положено пять–шесть бревен, хозяин приглашал *домового* на житье. При этом народным обычаем требовалось, чтобы хозяин приглашал *домового* не иначе как с клочком сена в руках и со следующими словами, диал. *Vatiuska domovoj, prydi šudy ť novu chatu počyti, posmotryeti i za dobytkom pohlediyeti*. При переходе в уже построенный новый дом обязательно звали с собой и *домового-дворового*. По обычаям, его приглашали и во двор, и в дом, веря, что без хозяина двор не стоит. Перебираясь в новый дом, хозяйка брала горшок недоваренной картошки и доваривала ее в новой избе; *домового* при этом нередко “перевозили” в лапте. Перевозили его и на помеле, хлебной лопате; совали под печ старую обутку, приговаривая, диал. *Domovoj-rodovoj, vot tobiye sani, počyedeš s nami*¹⁶.

Согласно поверьям Клейникского села, *домового* можно переселить в кошеле с сеном: *Одна старуха рассказывала, что когда сын ее отделился и увел скотину, то она однажды вышла во двор и видит, как беспокойно домовой шевелится в кошеле*¹⁷.

К *домовому* относились очень бережно, помнили о том, чтобы ему всегда оставить еду. В противном случае он мог насрать на домашних

тину. Наряду с мужским образом *домового* существуют женские парные соответствия этому персонажу: в одних случаях это жена и дочь *домового*, в других – самостоятельные персонажи – мифологические хозяйки дома. Образ в.-слав. *домового* сближается с ю.-слав. домашними духами стопаном и домашней змеей по ряду признаков и функций: происхождению от умершего члена семьи, связью с жизнью хозяина дома, функциям покровителя семьи, см.: Е. Е. Левкиевская, *Славянские древности*, [в:] *Этнолингвистический словарь*, под ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН, Москва 1999, т. V, с. 120; шире на тему *домового*, см.: Л. Н. Виноградова, *Полесская народная демонология на фоне восточнославянских данных*, [в:] *Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы*, отв. ред. А. А. Плотникова; Институт славяноведения РАН, Москва 2001, с. 10–49; Н. В. Кузнецов, *Черты в доме (опыт сравнительного анализа персонажей русской народной демонологии)*, [в:] *Традиция в фольклоре и литературе*, Санкт-Петербург 2000, с. 14–38; Н. Я. Никифоровский, *Домовые*, [в:] *Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе*, Вильна 1907, с. 48–53.

¹⁶ По рассказу Анастасии Дорошев и Владимира Комарова, жителей села Клейники.

¹⁷ По рассказу Татьяны Куприянович, бывшей жительницы хутора Бурицке, входящего в состав села Клейники.

нечистую силу или привидения. Обычно он предстал в обличи старика с длинными седыми волосами и густой бородой, одетого в драные лохмотья. Порой – в обличи змеи, крысы или собаки. Иногда *домовой* имел подружку, называемую *домовушкой* или *домовихой*. *Домового*, *домовушку* и *домовиху* отождествляли с душами предков жителей данного дома или хозяйства. *Домовой* мог также появиться у данного хозяина в результате наведения порчи шептухой или ведьмой.

В селе Шостаково, чтобы не разозлить *домового* и его подружку, которые оберегали одну из хозяйских построек, следовало оставить им еду. Каждый вечер хозяйка должна было жарить яичницу из шести яиц и оставлять ее на сковороде в сарае. При этом нельзя было подсматривать, как *домовой* и его подружка едят еду¹⁸. Часто можно было услышать громкое чавканье во время еды¹⁹.

А в селе Городиско, как утверждает информаторка²⁰, *домовой* неоднократно приобретал вид петуха или змеи, присматривающих за домашними пожитками. Местные жители были уверены, что разозленный *домовой* мог и укусить под видом змеи. Одним из методов лечения змеиного укуса было трехкратное прочтение магического заговора с просьбой вынуть яд: (...) *Отойди, гад, прочь. Отойди, гад, прочь. Отойди, гад, прочь. Вынь яд вон. Вынь яд вон. Вынь яд вон. Повторять три раза: утром, вечером, на заре. Три дня*²¹. Также практиковался обычай обращения к *домовому* по имени. *Домового* часто просили помочь, например, прогнать злых духов, нарушающих покой жителей дома; защитить домашних животных от порчи или проклятия; дать высокий урожай. В Городиско люди, возвращаясь из России, ча-

¹⁸ Как *домовой*, так и его подруга, были исключительно плодом воображения крестьянского населения. Они не имели какой-либо телесной формы. В связи с этим были невидимыми для человеческого глаза. Принимали форму невидимого духа.

¹⁹ По рассказу Константина Калиновского, бывшего жителя села Шостаково.

²⁰ Нина Минько, 1939 г. р., жительница села Городиско в 1940 году была депортирована вместе с матерью Теклой и старшим братом Николаем в далекие районы Сибири, где провела 8 лет. Была неоднократно свидетелем применения самых причудливых обрядов сибирского шаманизма местными шептунками и ведьмами. Как утверждает информаторка, культ *духа домового* на сибирской земле был очень распространенным и почитаемым.

²¹ Zob.: J. Rybarczyk-Dujewska, *Pragmatyka rosyjskich zaklęć leczniczych*, Kraków 2015, s. 78. Также: более подробно на тему народной медицины *Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг.*, под ред. проф. В. П. Аникина, Москва 1998 и связанных с ней магических ритуалов, см.: А. Ветухов, *Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного верования, основанные на вере в силу слова (Из истории мысли)*, вып. I–II, Варшава 1907; J. Rybarczyk-Dujewska, *Język jako narzędzie magii na przykładzie zaklęć rosyjskich*, Kraków 2013.

сто привозили с собой записанные на листках, на русском языке, тайные заговоры и другие заклятия, которые использовали в дальнейшем в каждодневной жизни. Авторами таких записок, чаще всего, были те, кто занимался колдовством и спиритизмом, услугами которых часто пользовалось необразованное население, верящее в их сверхъестественный дар. В таком образом представляемом мире знахарок и шептух магия часто являлась народным неписанным кодексом, который ценили больше, чем церковные литургические тексты или святые молитвы. Часто такое воображение формировалось на основании русских народных поверий. Колдуны представляли огромную силу благодаря пакту, заключенному с самим дьяволом. Лицо, которое постановило стать колдуном, должно было отречься от Бога, переходя на сторону дьявола, а после смерти его нечистая и проклятая душа предстала перед его обликом²². Также вместе с возвращением людей из России появилась вера в белых магов (белых знахарей). Они должны были исключительно помогать людям при помощи своих магических обрядов, то есть снимать порчу и проклятия, лечить людей, животных и т. п.²³

К знахаркам, шептухам и шептунам очень часто обращались с просьбой о помощи для своих домашних животных. В народной магии всегда важную роль играло время лечения. Время выбиралось не случайно, обычно это был полдень, полночь, на заре или сразу же после заката. Особенным должно было быть и место самого лечения. Шептуньи чаще всего выбирали для этого укромное место, овеянное тайной. Чаще всего это были места, редко посещаемые людьми, места, на которые падает лунный свет, перепутья, иногда кладбище, на котором хоронили павших животных. В лечебной практике самыми главными были сопутствующие ритуалам словарные формулы, такие как заговоры, усиленные молитвами, выпрашивание и вымаливание болезней. В славянском фольклере магия произносимых слов играла основную роль, поскольку считалось, что “чужой” проникал в тело больного животного под видом, например, червяка, а при обращении непосредственно к болезни при помощи произносимой молитвы приобретается сила

²² М. Н. Власова, *Новая АБЕВЕГА русских суеверий*, Санкт-Петербург 1995, с. 181–182.

²³ В русских народных традициях существует понятие мага (знахаря), творящего добро, обладающего врожденным даром или даром, данным от Бога. Поэтому он не может приносить людям вред. Его задача – нести помощь нуждающимся и отводить зло, наведенное черными колдунами. Разделение на белых и черных магов, вероятнее всего, почерпнуто из российского шаманизма.

изгнания болезни из организма животного. В случае, если больная корова не давала молока, ворожея приказывала вырвать из ее головы пучок шерсти, после этого трижды перебросить через нее освященную соль, читая при этом молитву к Богородице. Затем следовало перевязать рога коровы куском полотна, вырезанным из старых порток. С целью оздоровления животного все действия следовало повторять в течение последующих трех дней, выговаривая при этом слова: *...проклятые колдуньи, отдайте молоко, которое вы забрали моей корове во время болезни...*

Как рассказывает информаторка²⁴ из села Яново, чтобы оградить скот от болезней, знахарки применяли так называемые узелки. Во время службы в церкви в Великий четверг, когда раздавался звон колоколов после прочтения каждого Евангелия, знахарки после каждого звона завязывали маленькие узелки на льняном шнурке. Таким образом приготовленный талисман должен был предохранять скот от болезней в течение года. Эти узелки вешали животным на шею, порой с добавлением освященных трав или чеснока, чтобы дополнительно защитить их от наведения на них порчи и заклятий.

В селе Клейники раньше известны были магические практики обпахивания села парой волов. Пара разнополых воловьих близнецов, ведомых парой человеческих близнецов, запряженных в плуг, обпахивала плугом границу села, что должно было защитить жителей, находящихся внутри магического замкнутого пространства, от эпидемии холеры или чумы²⁵.

По рекомендации знахаря из села Жуки, чтобы избавиться от болезни, нужно было воспользоваться мертвой птицей, которую нужно было бросить в реку или глубокий ров, веря, что болезнь уплывет вместе с течением в потусторонний мир. Также считалось, что эпидемию холеры можно было закончить, замуравывая черного кота в хлебной печи, разогретой до красноты. А коклюш лечили, замыкая паука в скорлупе грецкого ореха. Считалось, что со смертью паука уйдет и болезнь. Как утверждал знахарь, сам паук, сотканная им нить и сеть обладают защитными антидемоническими свойствами. Поэтому знахарь категорически запрещал сметать паутину в хлеве или амбаре, поскольку она

²⁴ Вашчук Евгения, г. р. 1935 г. – село Яново.

²⁵ См.: Е. Р. Романов, *Материалы по этнографии Гродненской губернии*, Вильна 1912, т. I, с. 79–80; A. Gawel, *Zwyczaże, obrzędy i wierzenia agrarne na Białostocczyźnie od połowy XIX do początku XXI wieku*, Kraków 2009, s. 225.

защищала животных от порчи и появлением демона. Паутину также использовали в повязках на раны и при кровотечениях²⁶.

На основании собранного материала можно сделать вывод, что не только в описываемых местностях, но и почти на всей территории Гайновского повета повсеместными были такие недуги, как колтун, бородавки, зубная боль, глазная боль²⁷, кашель и детский перепуг²⁸. Считалось, что большая часть их была вызвана порчей и поэтому старались их предупреждать при помощи заговоров и усердных молитв. Очень часто для этих целей использовались некоторые животные. Против бородавок должна была быстро помочь кровь кота, умерщвленного еще до восхода солнца. При кашле облегчение должен был принести дым от сжигаемых перьев старого гуся. Недомогания, связанные с колтуном, лечили при помощи амулета, в состав которого входил волос из хвоста молодого жеребца, который нужно было вплести в волосы и носить до тех пор, пока колтун не развалится. Часто люди мучались от бессонницы и ночных кошмаров. Одним из универсальных средств, лечащих эти недомогания, было употребление так называемого диал. *žmijinoho jadu*²⁹.

Заклинания и благословения, магия и молитва уживаются на описываемой территории рядом одно с другим. Упомянутые выше элементы религиозно-обрядовых обычаев являются только скромным и приблизительным наброском славянской обрядности, связанной с использованием народной магии, зарегистрированной на исследуемой территории. Вследствие стремительных, особенно происходящих в последнее время общественных и нравственных перемен на Белосточчине,

²⁶ Голуб Мария, г. р. 1940 г., Шевяк Зофия, г. р. 1936 г. – село Жуки.

²⁷ Широкое описание лечения глазных болезней дала в своей работе И. Рыбарчик-Дыевская, см.: J. Rybarczyk-Dyjevska, *Magiczna moc słowa w rosyjskiej medycynie ludowej: leczenie chorób oczu*, «Przegląd Wschodnioeuropejski», № 5/2, Olsztyn 2014, s. 199–208.

²⁸ Много внимания детскому перепугу и способам его лечения посвящает в своей статье И. Рыбарчик-Дыевская, см.: J. Rybarczyk-Dyjevska, *Sekrety rosyjskiej magii ludowej – sposoby leczenia przestraszu dziecięcego*, «Przegląd Wschodnioeuropejski», № 3, Olsztyn 2012, s. 325–337.

²⁹ *Žmijinyj jad* – настойка из крепкого алкоголя, в котором затоплена змея. Для приготовления такой настойки следовало: *поймать змею в полнолуние, залить ее крепким алкоголем (лучше всего домашней работы) и оставить такую микстуру на несколько часов, чтобы из тела змеи в настойку выделился яд. Приготовленный напиток нужно было пить небольшими порциями непосредственно перед сном. Употребление такого таинственного эликсира гарантировало спокойный и твердый сон, без каких-либо ночных кошмаров и сновидений, мучающих человека* – по свидетельству Минодоры Калиновской, бывшей жительницы хутора Бурицке, входящего в состав села Клейники.

многие магические обряды и ритуалы уже преданы забвению. В связи с этим некоторые обряды остались в памяти только представителей самого старого поколения. Интенсивно прогрессирующее исчезновение старинных традиций, поверий, а также магических обрядов может в ближайшем будущем значительно затруднить и даже сделать невозможным исследование обсуждаемой проблематики. Настоящее положение сохранных магических обрядов по сравнению с предыдущими десятилетиями можно определить как критическое.

L I T E R A T U R A

- Bystroń J. S., *Tematy, które mi odradzano*, Warszawa 1980.
- Czernik S., *Trzy zorze dziewicze. Wśród zamawiań i zaklęć*, Łódź 1968.
- Gawel A., *Zwyczaje, obrzędy i wierzenia agrarne na Białostocczyźnie od połowy XIX do początku XXI wieku*, Kraków 2009.
- Kuprianowicz A., *Obrzędy pogrzebowe w gwarach gminy Czyże, powiatu hajnowskiego na tle wschodniosłowiańskim*, [w:] *Polsko-białoruskie związki językowe, literackie, historyczne i kulturowe. Materiały XIX Międzynarodowej Konferencji Naukowej "Droga ku wzajemności"*, Białystok 2014.
- Kuprianowicz A., *Vietier i voda v povierjax, sujevierjax i obyčajax, kak eliemient siemiejnyx obrjadov na primierie nieskolnix siel Hajnovskoho повіта*, "Białorutenistyka Białostocka" 2017, № 9 [Kuprianowicz A., *Ветер и вода в повериях, суевериях и обычаях, как элемент семейных обрядов на примере нескольких сел Гайновского и Сокольского поветов*, "Białorutenistyka Białostocka" 2017, № 9].
- Kuznecov N. V., *Čerty v domie (opyt sravnitelnoho analiza piersonažej russkoj narodnoj diemonolohii*, [v:] *Tradicija v folklorie i literaturie*, Sankt-Pietierburg 2000 [Кузнецов Н. В., *Черты в доме (опыт сравнительного анализа персонажей русской народной демонологии*, [в:] *Традиция в фольклоре и литературе*, Санкт-Петербург 2000].
- Levkijevskaja J. J., *Slavjanskije drevnosti*, [v:] *Etnolinhvističeskij slovar*, pod ried. N. I. Tolstoho; Institut slavjanoviedienija RAN, Moskva 1999, t. V [Левкиевская Е. Е., *Славянские древности*, [в:] *Этнолингвистический словарь*, под ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН, Москва 1999, т. V].
- Łukasiewicz D., *Warkocz znad Wisły. Pruski stereotyp brudnej Polski czy prawda historyczna?*, [w:] *Medycyna Nowożytna. Studia nad Historią Medycyny*, Warszawa 1996, t. 2.
- Markov G. J., *Rieligioznye vierovanija. Priedpolagajemyj gieniezis i istorija*, [v:] *Etno-Žurnal 2003* (Jeżemiesiačnyj eliektronnyj žurnał) [Марков Г. Е.,

- Религиозные верования. Предполагаемый генезис и история*, [в:] *Этно-Журнал 2003* (Ежемесячный электронный журнал)].
- Materialy folklornych ekspedicij 1953–1993 gg.*, pod ried. prof. V. P. Anikina, Moskva 1998 [*Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг.*, под ред. проф. В. П. Аникина, Москва 1998].
- Nikiforovskij N. J., *Domovyje*, [v:] *Niečistki. Svod prostonarodnych v Vitebskoj Bielorusii skazanij o niečistoj sile*, Vilna 1907 [Никифоровский Н. Я., *Домовые*, [в:] *Нечистуки. Свод протонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе*, Вильна 1907].
- Romanov J. R., *Materialy po etnografii Grodnienской gubernii*, Vilna 1912, t. I [Романов Е. Р., *Материалы по этнографии Гродненской губернии*, Вильна 1912, т. I].
- Rybarczyk-Dyjewska J., *Język jako narzędzie magii na przykładzie zaklęć rosyjskich*, Kraków 2013.
- Rybarczyk-Dyjewska J., *Magiczna moc słowa w rosyjskiej medycynie ludowej: leczenie chorób oczu*, "Przegląd Wschodnioeuropejski" 2014, nr 5/2.
- Rybarczyk-Dyjewska J., *Pragmatyka rosyjskich zaklęć leczniczych*, Kraków 2015.
- Rybarczyk-Dyjewska J., *Sekrety rosyjskiej magii ludowej – sposoby leczenia prze-strachu dziecięcego*, "Przegląd Wschodnioeuropejski" 2012, nr 3.
- Talko-Hryncewicz J., *Zarysy lecznictwa ludowego na Rusi Południowej*, Kraków 1893.
- Usačiova V. V., *Kontakty čielovieka s diemonami boliezniej. Sposaby zaščity i izba-lienija ot nix*, [v:] *Mif v kulturie. Čieloviek-nie-čieloviek*, pod ried. L. A. Sofronova, Moskva 2000 [Усачёва В. В., *Контакты человека с демонами болезней. Способы защиты и избавления от них*, [в:] *Миф в культуре. Человек-не-человек*, ред. Л. А. Софронова, Москва 2000].
- Vietuxov A., *Zagovory, zaklınanija, obieriegi i drugije vidy narodnoho vierovanija, osnovannuje na verie v silu slova (Iz istorii mysli)*, Varšava 1907, вып. I–II [Ветухов А., *Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного верования, основанные на вере в силу слова (Из истории мысли)*, Варшава 1907, вып. I–II].
- Vinogradova L. N., *Poliesskaja narodnaja diemonologija na fonie vostočnoslovianskix dannyx*, [v:] *Vostočno-slavjanskij etnolinhvističeskij sbornik. Issledovanija i materialy*, otv. ried. A. A. Płotnikova; Institut slavjanovedienija RAN, Moskva 2001 [Виноградова Л. Н., *Полесская народная демонология на фоне восточнославянских данных*, [в:] *Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы*, отв. ред. А. А. Плотникова; Институт славяноведения РАН, Москва 2001].
- Vlasova M. N., *Novaja ABIEVIEGA russkix syjeviejij*, Sankt-Pietierburg 1995 [Власова М. Н., *Новая АБЕВЕГА русских сьеверий*, Санкт-Петербург 1995].

SUMMARY

FOLK MAGIC IN THE DAILY LIFE OF THE RURAL POPULATION:
ON THE EXAMPLE OF SEVERAL VILLAGES IN HAJNÓWKA DISTRICT
IN THE EAST SLAVIC CONTEXT

The objective of this article is an attempt to describe the magical acts practised in the popular beliefs, superstitions and customs of selected villages in Hajnówka district.

Magic played a tremendous role in the folk culture. It was present in almost all moments of life. Therefore, a number of prohibitions and precepts prevented its inappropriate use. Some people used magic as a "tool" to cause suffering, sorrow and even death. Consequently, it appeared in many rituals, in which it was important to use specific magical properties, especially at the turning points or in difficult situations of one's life.

Due to the rapid social and moral changes in the region of Białystok, many secret magical acts and practises exercised by whisperers, healers and witches have been forgotten. They survived only in the memory of older generation.

Key words: folk magic, whisperers, healers, magical acts, witchcraft, charms.

STRESZCZENIE

LUDOWA MAGIA W ŻYCIU CODZIENNYM NA PRZYKŁADZIE KILKU WSI
POWIATU HAJNOWSKIEGO NA TLE WSCHODNIOSŁOWIAŃSKIM

Celem niniejszego artykułu jest próba opisanie zabiegów magicznych stosowanych w wierzeniach, przesądach i zwyczajach wybranych wsi powiatu hajnowskiego.

Magia w kulturze ludowej opisywanych miejscowości odgrywała olbrzymią rolę. Obecna była niemalże we wszystkich momentach życia człowieka. Dlatego też obowiązywał szereg zakazów i nakazów mających uchronić przed jej niewłaściwym wykorzystaniem. Magia służyła niektórym ludziom także jako „narzędzie” mogące spowodować wiele cierpienia, przykrości a nawet doprowadzić do śmierci. W związku z tym występowała w wielu obrzędach, w których ważne było wykorzystanie jej szczególnych właściwości, zwłaszcza w przełomowych momentach życia lub w trudnych sytuacjach życiowych.

W wyniku szybkich, zwłaszcza w ostatnich czasach, przemian społecznych i obyczajowych na Białostocczyźnie, wiele tajemnych zabiegów oraz praktyk magicznych stosowanych przez szeptunki, znachorki oraz wiedźmy uległo zapomnieniu. Niektóre z nich pozostają tylko i wyłącznie wspomnieniem przedstawicieli najstarszego pokolenia.

Słowa kluczowe: magia ludowa, szeptunka, znachorka, zabiegi magiczne, czary, uroki.